

чтобы сказать: „Посланы чиновники (?) города, чтобы доставить нам людей принудительного труда от Пасехемхета до Элефантины”. И вот отправились они, чтобы доставить $mrt(t) \left(\begin{smallmatrix} \equiv 4 \\ \equiv \end{smallmatrix} \begin{smallmatrix} \text{[?]P} \\ \text{[?]} \end{smallmatrix} \right)$ [сокровищницы фараона, ж.н.з.]» (Urk., IV, 58). Совершенно

очевидно, что mrt и были «людьми принудительного труда» ($rm\dot{t} b\dot{h}w$). Перенелкин в своем исследовании, опубликованном в I томе «Всемирной истории», пришел к выводу, что в Египте существовал особый слой производителей преимущественно из местных жителей, втянутых в крупные вельможеские и царские хозяйства, которые «отличались от собственно рабов»¹⁷. Мы думаем, что именно *мерет* были подобными производителями. Такое заключение оправдывается всеми имеющимися в нашем распоряжении материалами о mrt . Всех их и приближенную ко двору царя или номарха челядь и простых, жестоко эксплуатируемых труженников — земледельцев, скотоводов или ремесленников, — при всем разнообразии экономического положения объединяла специфичность юридического статуса, принадлежность к одному сословию зависимых людей — mrt . Одни из них обладали большой экономической самостоятельностью, другие жестоко эксплуатировались, однако и те и другие зависели от какого-либо патрона — царя, храма, номарха, вельможи.

И. С. Стуческий

¹⁷ «Всемирная история», I, М., 1955, стр. 164—170.

ДРЕВНЕЙШИЙ ПИСЬМЕННЫЙ ПАМЯТНИК КАВКАЗА*

3. *Определение языка и интерпретация смысловой стороны надписи.* При определении языка и интерпретации смысловой стороны текста надписи важно, чтобы текст укладывался целиком в исторические, грамматические и лексические нормы предполагаемого языка надписи. Если интерпретатор этого достиг, он может считать задачу свою выполненной, а надпись прочтенной. Дальнейшая работа над текстом ляжет уже на аппарат аргументации, всецело зависящей от текста надписи.

В интерпретации текста Майкопской надписи колхидского письма мы во многом шли тем же путем, что и Э. Дорм в его дешифровке памятников псевдопероглифического письма из Библа. Когда нам оказался ясным консонантный состав букв надписи, мы не стали доискиваться, какие гласные могли входить в те или иные, когда-то реальные слоги. В надписи нужно было найти опоры, которые могли бы послужить ключом к определению ее языка.

Прежде всего нам представилось, что поверхность камня не случайно разделена на сегменты. Мы допустили, что в каждом из них, по крайней мере, может содержаться одна фраза и что линии сегментов могут быть линиями фразоразделов. Это в дальнейшем оправдалось.

Это допущение помогло нам принять в четвертом сегменте надписи сочетание m_3z_3 , а вслед за этим и все словосочетание $l_2cm_3z_3$ за фразовый комплекс, в котором нашло себе соответствие абхазское народное лацамаза «месяц Сева»¹. Разгадкой этого словосочетания определился, а в дальнейшем оказался и целиком оправданным язык надписи²,

* Продолжение. Начало см. в ВДИ, 1965, № 3.

¹ Он соответствует второй половине апреля и первой половине мая.

² Попытка интерпретировать надпись с позиций финикийского, а из местных — с позиций адыгского (черкесского) языка, не имела успеха. Поскольку текст свободно и хорошо уложился в абхазскую речь, мы не стали искать возможности читать его на каком-либо другом кавказском яфетическом языке.

а колхидское письмо надписи тем самым этнически конкретно закрепленным за древнейшими колхами-абхазами³.

Последующая работа над интерпретацией текста была нелегкой. Чтение по несколько раз исправлялось, менялось, восстанавливалось в прежнем понимании и опять изменялось и так до тех пор, пока текст не оказался предельно четким и ясным, отвечающим нормам письма и языка и назначению памятника⁴.

В первом сегменте надписи писец первоначально написал, как мы полагаем, фразу $h_k dm_3 g_1 nb_1$. В современном абхазском языке ей отвечает: ах, дыу (или ду) Мрн поуп — «царь великий Мрн⁵ есть».

Это наше утверждение, как здесь, так и далее, отнюдь не означает, что звучание известных нам слов, о котором текст надписи почти ничего не говорит, было таким же, как ныне. Напротив, нужно думать, что оно было далеко не таким.

Написав фразу $h_k dm_3 g_1 nb_1$ — «царь великий Мрн есть», писец не удовлетворился ее содержанием. Почему, это станет ясным из текста второго сегмента. Он дополнил фразу вставкой, которую поместил в виде трех консонантов снизу вверх над начальной h_k первой фразы. Эта вставка транскрибируется как $j_1 z_1 t$ или точнее $\bar{j}_1 z_1 t$, так как в данном случае писец применил *matres lectionis*, поставив j_1 вместо $\bar{i}$ (см. ниже). В нашей интерпретации этот грамматический комплекс сопоставляется с современной абхазской фразой: птэу «этот, кого собственность», resp. «этот, кому принадлежит». С этим дополнением первая фраза представилась в виде $\bar{j}_1 z_1 t h_k dm_3 g_1 nb_1$ «этот, кому принадлежит, — царь великий Мрн есть».

Вероятно, и эта фраза показалась писцу недостаточно полной, ибо он считал необходимым сделать к ней еще одно маленькое, конкретизирующее ее добавление. Под личным именем царя $m_3 g_1 n$ «Мрн» он подписал «наш царь», поставив рядом с h — местоименным аффиксом x — «наш», вместо слова «царь» (совр. ах), заменяющий это слово детерминатив (см. табл. III, рис. 1 — см. ВДИ, 1965, № 3).

Этим дополнением была закончена работа писца над фразой, помещенной в первом сегменте. Теперь в целом она читалась: $\bar{j}_1 z_1 t h_k dh$ детерминатив «царь» $m_3 g_1 nb_1$ «этот, кому принадлежит, — царь великий, наш царь Мрн есть».

Что же принадлежит царю, скрытому за трехбуквенным именем Мрн? Нам представилось, что такой собственностью может быть какая-то местность или какие-то сооружения, чертеж которых может быть запечатлен в небуквенных фигурах в центре плитки. Ответ на наш вопрос мы нашли во втором сегменте надписи, помещенном ниже изображения в центральной части камня.

В этом втором сегменте, после детерминатива «город» (см. табл. III, рис. 2) мы нашли словосочетание, которое транскрибируется как $^a h t_4 b_1$. Размышляя над этим комплексом, мы пришли к выводу, что в нем заключены по крайней мере три слова. Сочетание букв $^a h$ обозначает название города, согласная t_4 с предшествующей ей, не обозначенной гласной i (= абх. и «его»), отвечает корню того же слова, что и в первом сегменте в сочетании $j_1 z_1 t$ ⁶, а согласная b_1 , как и в конце первой фразы в первом сегменте,

³ Колхида была полиэтнична. Этого вопроса в данном исследовании мы не касаемся.

⁴ В нашей работе по воссозданию абхазского текста Майкопской надписи колхидского письма мы постоянно консультировались на разных этапах работы, и в разных ее частях и в целом, с коренными абхазами: Х. С. Бгажба, С. В. Зухба, Ш. Д. Инал-Ипа, А. К. Каца, К. С. Шакрыл, Г. З. Шакербай и другими. Во время консультаций ни у кого из нас не возникало никаких сомнений, что в надписи мы имеем дело с абхазским текстом, другое дело, как он звучал в живой речи колхов-абхазов в те отдаленные времена, к которым относится памятник.

⁵ Рассмотрение имен собственных Майкопской надписи нами отнесено ниже.

⁶ В комплексе $^a h t_4$ и ниже в комплексе $w_k t_3$ для необозначенной гласной i (= абх. и «его») перед t_4 и w_k , мы ожидали бы знак j_1 , ибо i (= абх. и «его»), как показывает слово $j_1 z_1 t$ в первом сегменте, было долгим. Поскольку же знака i перед t_4 и w_k нет,

отвечает глухому консонанту в современном абхазском существительном глаголе оуп — «есть».

Иначе говоря, во втором сегменте надписи помещена фраза: «детерминатив „город“ ³Ah (его) собственность есть». Фактически название города, как мы думаем, звучало ³A (i)ā, так как писец для ā (долгой) здесь воспользовался приемом *matres lectionis*, заместив ее консонантом h. Эта фраза свидетельствует о том, о какой собственности царя шла речь в тексте первого сегмента (подробнее о названии этого города см. ниже).

В третьем сегменте после детерминатива «правитель» (см. табл. III, рис. 3) вырезано двухбуквенное слово hz₁, обозначающее имя правителя. Далее следует опять двухбуквенное соединение, транскрибируемое как (i)w_kt₃. В современном абхазском языке этому соединению, с нашей точки зрения, соответствует глагол пунт «его сделал» («его соорудил»). Детерминатив, имя и глагол образуют в целом фразу: «детерминатив „правитель“ Хз (его) сделал (его соорудил)». В надписи, как можно думать, разумеется правитель города, название которого в форме ³Ah (= ³A(i)ā) представлено во втором сегменте надписи.

Фраза в четвертом сегменте, которая частично была отправной при определении языка надписи и которая также частично приводилась нами выше, в целом транскрибируется l₂sm₃z₃k₂n₂. В современной абхазской графике она воспринимается соответствующей абх. лаџамза кны (ныне говорят: лаџамза азы) «в месяц Сева». Этот отрезок текста свидетельствует о том, в каком месяце сделал (соорудил) город правитель Хз.

В пятом сегменте, начиная сверху, справа налево, в две строки столбцом читается š₁w₃ʹw (= š₁ūgō или š₁ūgū) (см. ниже), затем в центре цифра 21 (20 + 1) и слева от нее k₁n₁. Этот текст в современной абхазской речи соответствует фразе: шыкүс 21 акны (ныне говорят: шыкүс 21 азы) «в год 21». Фактически, конечно, эпиграфическая форма š₁w₃ʹw (= š₁ūgō или š₁ūgū) не укладывается так просто в совр. шыкүс «год», как это представляется. Писец здесь в третий раз использует *matres lectionis*, передавая через waw последовательно долгие ū (ū) и ō (или ū). Более обстоятельно это слово разобрано нами ниже.

Если в предыдущем сегменте, как явствует это из текста, написано, в каком месяце сооружен город, то в данном сегменте указан год его сооружения: 20 + 1. Этот 21-й год является в то же время и годом царствования царя, имя которого проставлено в первой фразе надписи.

В шестом и последнем сегменте надписи, текст которого, как мы уже указывали, следует читать, повернув камень на 90° против часовой стрелки, в верхней части сегмента содержит следующую фразу: bʹ детерминатив «страна» n_k (= bḡ детерминатив «страна» n_k, о чем см. ниже). В нашей интерпретации эта строка надписи может быть понята применительно к современному абхазскому языку лишь в ретроспективном плане. Разумеется, *Бзаны, гебр.* (А) бґны «Страна Гор». Это слово ныне неизвестно, но легко восстанавливается в плане исторической лексики (см. ниже). Слово «страна», как уже говорилось выше, в надписи выполнено в смешанном написании: детерминатив (см. табл. III, рис. 4) сопровождается комплементом n_k (сопоставляется с совр. абх. -ны в том же значении).

Первая буква второй строки текста шестого сегмента — зеркальная h финикийского линейного письма — в нашем чтении этой строки отвечает слову, входящему в лексический комплекс, образуемый двумя последующими буквами pz. В целом звуковой комплекс hnz по значению соответствует совр. абх. аханазара «самая окраина», «самый край» (букв. «голова окраины, голова края») ⁷.

нужно думать, что либо писец пользовался приемом *matres lectionis* непоследовательно, либо i (= абх. и «его») в это время начало уже терять свою долготу и могло спорадически выступать как недолгое. Последнее нам кажется вероятнее.

⁷ В эпиграфическом тексте надписи масдар (его совр. формант-ра) не нашел своего выражения (см. ниже грамматический разбор текста надписи).

Следующие за этой строкой два буквенных знака k_2n_1 последней строки текста и надписи отвечают современному абхазскому локальному послелогу (а)кны «на, в», который в тексте надписи уже встречался.

В итоге текст шестого сегмента b^c детерминатив «страна» $n_k hnz k_2 n_1$ (= b^c детерминатив «страна» $n_k hnz k_2 n_1$) применительно к современному абхазскому языку воспринимается в значении: «на самой окраине Страны Гор».

Объединяя фразы 3, 4, 5 и 6 сегментов, мы получаем в совокупности единое предложение, которое говорит: «Правитель Хз его (город) соорудил, в месяц Сева, в 21-м году, на самой окраине Страны Гор».

Этим мы заканчиваем интерпретацию смысловой стороны надписи. Однако прежде чем дать полный ее текст и перейти к интерпретации ее грамматики, считаем необходимым дополнительно сообщить об одном существенном наблюдении: послелог, которому в современном абхазском языке соответствует (а)кны, будучи употреблен в надписи трижды, всякий раз имеет различное написание. В четвертом сегменте он дан в форме букв k_2n_k , в пятом в форме k_1n_1 , а в шестом как k_2n_1 . Это разнообразие в его написании наводит на мысль, что псевдопероглифическое колхидское письмо Майкопской надписи уже не было силлабическим письмом. Поддерживает это и слово, которому в современном абхазском языке мы видим соответствие в корне тэы «собственность». В надписи в первом сегменте оно обозначено через линейное финикийское t , а во втором сегменте через псевдопероглифическое библское t_4 . Пришло ли это письмо к предкам абхазов как силлабическое и разрушилось на месте или оно было завезено сюда в уже разрушенном виде, сказать трудно. Будем ждать новых находок.

В целом надпись в транскрипции⁸ и переводе, с разделением ее на слова и фразы, гласит⁹: $\|jzt$ (= $\bar{t}zt$)hd h детерминатив „царь” Mrn b $\|$ детерминатив „город” Ah (= $^A(i)\bar{a}$) (i)t b $\|$ детерминатив „правитель” Hz (i)wt |lcmzkn |šw'w (= $\bar{s}\bar{u}\bar{g}\bar{o}$, resp. $\bar{s}\bar{u}\bar{g}\bar{u}$) 20 + 1 kn|b^c (i)t b $\|$ детерминатив „страна” n (= b^c детерминатив «страна» n) hnzkn $\|$ — «Этот (город) кому принадлежит—царь великий, наш царь Mrn есть||Город A(n) $\bar{a}$ его собственность есть|| Правитель Хз его соорудил| в месяц Сева | в 21-м году| на самой окраине Страны Гор||».

4. *Интерпретация грамматической стороны надписи.* Здесь мы рассмотрим текст только в части словообразования, морфологии и синтаксиса. Фонетический облик абхазской речи времени составления надписи, за исключением четырех случаев обозначения гласных приемом *matres lectionis*, остается для нас недостижимым. Отсутствие вокализации и консонантная ограниченность алфавита позволяют делать только самые общие предположения в этой области.

Образующие текст надписи фразы, при расчленении их на грамматические комплексы и формы, находят себя в следующих реальных исторической и современной абхазской речи.

1) jzt — сопоставляется с современным абхазским грамматическим комплексом $izt\bar{u}$. В этом комплексе эпиграфическая j является в надписи консонантом, замещающим применением *matres lectionis* долгий гласный $\bar{i}$ ($\bar{i}$). Замена эта или, вернее, долгота, как мы отметили выше, была непоследовательна. В современном абхазском языке первичные долгие гласные утрачены. Грамматически начальный гласный i - ($\bar{i}$ -) в комплексе $izt\bar{u}$ является показателем класса вещей; -з- (-z-) — характеристикой основы словесного местоимения: «кого, кому, чей»; -тэы (-t-) — односложным корнем основы слова «собственность». Глагольно-временной аффикс в надписи отражения не нашел. В целом комплекс означает: «этот чья собственность» или «этот кому принадлежит». Показатель класса вещей относится к имени «город», детерминатив и наименование которого см. ниже.

⁸ Поскольку система силлабов, как это мы установили выше, в момент изготовления надписи писцом, оказалась уже разрушенной, мы транскрибируем полный текст надписи, не сопровождая консонанты цифрами, выступающими условными детерминантами возможной вокализации силлабов.

⁹ Черта $\|$ служит разделителем фраз, черта $|$ разделителем синтагм (частей) фраз.

2) *hd* — сопоставляется с современным абхазским *ахду* или *ахды* «царь великий», где *ах* «царь», *ду* или *ды* «большой, великий». Начальное *а*- основы в надписи не обозначено. По-видимому, в те времена была в ходу более древняя форма основы *х*, выступающая в таких композитах как *апсха* «царь апсов (абхазов)».

3) *h* + детерминатив «царь» (см. его в табл. III, рис. 1). При замене детерминатива абхазским словом «царь» сопоставляется с абх. *ҳаҳ* «наш царь», где начальное *h* является местоименным притяжательным аффиксом (совр. абх. *х*-). В надписи это компонент при детерминативе «царь».

4) *Mgn* — собственное имя царя. Соображения по этому поводу см. ниже.

5) *b* — сопоставляется с консонантом *-п* в форманте, образующем настоящее время существительного глагола «быть, существовать, находиться». Совр. абх. *оуп* ← *ауп*. В надписи встречается дважды и в обоих случаях в звонкой разновидности. По-видимому, это диалектальная особенность.

6) Хеттского типа детерминатив «город» (см. табл. III, рис. 2). Детерминатив заслоняет собой какое-то абхазское слово. Для города этим словом могло быть близкое к совр. абх. (а)кы́та — «селение» (имеем в виду *кы́та* у Стефана Византийского¹⁰).

7) *ʾAh* (= *ʾA(i)ā*) — наименование города. Соображения по этому поводу см. ниже.

8) *(i)t* соответствует совр. абх. *иты* «его собственность». В надписи ожидалось бы *jt* (см. выше).

9) *b* — тот же элемент, что и рассмотренный выше.

10) Хеттского типа детерминатив «правитель» (см. табл. III, рис. 3). Какое абхазское слово заменял этот детерминатив в эпоху составления Майкопской надписи, сказать трудно. Может быть, это слово было чем-то вроде (а)ды́за «вождь, главарь». Доминиканец Иоанн Лукский, посетивший Абхазию около 1625 г., писал, что тамошний ее владетель называется *Puso*¹¹.

11) *Nz* — собственное имя правителя (см. ниже).

12) *(i)wt* — в надписи ожидалось бы *jwt* (см. выше). Сопоставляется с совр. абх. *иунт* «его сделал». Перфект 3 л. ед. ч. от глагола «делать». Глагольный корень *у* (в надписи *w*), личный аффикс *и*-, временной показатель *-ит*. Корень глагола в эпоху надписи, вероятно, звучал как сонант. Глагол в надписи использован в ныне неупотребительном значении «соорудил».

13) *lcmz* — в надписи композита. Сопоставляется с совр. абх. *ла́цма* «месяц Сева», где *ла́ца* представляет собой отглагольное имя (срав. *ла́цара* «сеяние, сеять»), а *ма* — имя со значением «месяц» (как единицы времени). В совр. абх. форма *ла́цма* совершенно понятна, хотя говорят и *ла́царамза* в том же значении. Выше касаясь формы буквы *ц* в тексте надписи, мы высказали предположение, что в этом слове может быть была представлена не глухая, а звонкая аффриката *з* (*дз*) как диалектальная разновидность (ср. выше).

14) *kn* — сопоставляется с совр. абх. послелогом (а)кны «в». Во времена составления надписи послелог, вероятно, непосредственно примыкал к слову. Подобное употребление послелогов древнее раздельного. В современном абхазском языке при словах, обозначающих время, — «месяц, год» и т. п. — послелог (а)кны не употребляется. Его заменил послелог (а)зы. В кругу родственных языков послелог *кны* неизвестен и характеризует исключительно абхазскую речь, что весьма важно при определении языка надписи.

15) *šw'w* (= *šügō* resp. *šügū*) — в современном абхазском языке прямого соответствия себе не находит; имеет несомненное отношение к совр. абх. диал. *шү́кус*, лит. *шы́кус* «год». Наличие в этом слове надписи двух *waw* на месте предполагаемых гласных свидетельствует еще об одном случае применения *matres lectionis*. Вероятно, эпиграфическая форма *šww* произносилась как *šügō* или *šügū*. Не уточняя сейчас физио

¹⁰ См. В. В. Л а т ы ш е в, Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе, т. I. Греческие писатели, ч. 1, СПб, 1890 (далее — SC), стр. 262.

¹¹ Жан де Л ю к, Описание перекопских и ногайских татар, черкесов, мингрелов и грузин, ЗООИД, XI, 1879, стр. 492.

логической природы звука, обозначенного нами через $\dot{g}$ (б), заметим, что в псевдопероглифическом письме, так же как и в финикийском линейном, графемой $\dot{c}$ обозначались и глоточный звонкий и глубокозадненёбный согласные. Потеря долготы гласных и дальнейшая их редукция вылилась в лабиализацию предшествующего согласного с переразложением последнего согласного во вторичный дифтонг. Образовалась форма $\dot{z}_0\dot{g}_0a$, в которой в дальнейшем первый глухой лабиализованный согласный, под влиянием последующего звонкого, озвончился, образовав комплекс $\dot{z}_0\dot{g}_0a$. Разновидность этого слова мы находим в современном абхазском слове жэбан «небо» и адыг. (н. черк). а-щыгъуз «тогда», букв. в ретроспективном плане — в «а- (то) щыгъуз (время)». В абх. жэбан необходимо выделить первооснову жэба в значении «время» и, вероятно, «год» и аффикс -н в значении «место». Первоначальное значение слова жэбан «небо», букв. «времени место» или «года место». Такое значение естественно, ибо «небо» и не только на первых порах, служило основным критерием в практическом определении счета времени. Наличная в надписи абхазская форма весьма интересна по своей связи с языком адыгов (черкесов). В более подробное обсуждение этих форм и их отнесение к совр. абх. шыкус «год», мы в данный момент не входим. Для нас очевидным представляется тот факт, что абх. шыкус исторически является композитой, состоящей из компонентов шыкы- и -с, и в последнем случае восходящим к слову са «малый, мелкий», как то осознается в раса «орешек» (при ра «орех»), псызса «рыбка» (при псыз «рыба»), но не осознается в слове «год», хотя для этого слова Н. Я. Марр отмечал форму шыкуса при шыкус¹². По-видимому, слово шыкус(а) в далеком прошлом означало какой-то «малый» цикл времени. Вопрос требует специального исследования.

16) 20 + 1 — цифра финикийского счета. В абхазском языке число 21 строится в той же последовательности: 20 + 1.

17) kn — см. выше.

18) b 'детерминатив «страна» n (= b $\dot{g}$ детерминатив «страна» n) — в современном абхазском языке прямого соответствия себе не находит, но легко восстанавливается по связи с другими словами абхазского лексического фонда. Корень b $\dot{g}$ (a) = (б $\dot{g}$ a)¹³ в абхазской речи в давние времена обозначал «горный хребет, горы». Это значение вытекает из того, что в абхазском языке «горная коза» геср. «самка тура» называется (а)-б $\dot{g}$ ацма, а «коза» (вообще) — (а)-цма¹⁴. По-видимому, значение слова б $\dot{g}$ a «горный хребет, горы» было переносным. В прямом значении слово (а)б $\dot{g}$ a сохранилось в значении «спина, хребет» (человека), откуда оно было перенесено на явления природы. Ср. аналогичные значения в адыгских языках: бгы «гора, горы» и бгы «поясница, талия» или тхы «спина, хребет» и тхы «горный хребет» в составе сложных топонимических названий. Если к восстановленному нами сравнительным путем корню б $\dot{g}$ а присоединить аффикс страны -ны, мы получим исторически реальную форму Б $\dot{g}$ аны геср. (А)б $\dot{g}$ ны «Страна Гор». Так названа Абхазия в нашем памятнике. Мы предполагаем, что в надписи современный аффикс -ны имеет значение полнзначного слова «страна». На эту мысль нас наводит смешанное написание, т. е. употребление аффикса при детерминативе с тем же значением.

19) hnz — сопоставляется с совр. абх. аханазара «самая окраина, самый край». Эта композита состоит из слов: (а)хы ← (а)ха «голова» и (а)назара «окраина, край». В надписи отсутствует аффикс масдара -ра и аффикс -а в начале слова, ныне имеющей значение отвлеченной общности.

20) kn — уже дважды встречавшийся в надписи послелог, здесь в местном значении. Сопоставляется с совр. абх. (а)кны «на». В этом местном значении послелог употребителен поныне. Предполагаем, что в надписи он в своей консонантной основе непосредственно примыкал к слову, которым управляет (см. выше).

Общий взгляд на грамматические реалии текста надписи при сопоставлении его с живым абхазским языком и языком фольклора в записи второй половины XIX и начала

¹² Н. Марр, Абхазско-русский словарь, Л., 1926, стр. 74 (а).

¹³ О передаче айном (с) глубокозадненёбного $\dot{g}$ см. выше.

¹⁴ Къушъхъа пчэн — «горная коза» называется «самка тура» и в адыгейском (н. черкесском) языке.

XX вв. позволяет отметить в памятнике такие особенные черты: а) показатель класса вещей и- в комплексе изтэу в надписи имеет несвойственную ему сейчас долготу; б) консонантная основа аффикса, образующего формы настоящего времени существительного глагола «быть», при глухости ее в современном абхазском языке (-п) в надписи озвончена (-б); в) аффикс общности имени а-, даже в тех случаях, где он ныне стабилизировался и не воспринимается как аффикс, в надписи не отражен, хотя у писца к этому были полные возможности. Вероятно, аффикс общности в эпоху составления надписи был еще неупотребителен или употребителен весьма ограниченно; г) форма масдара (формант -ра), судя по слову *hпz* (совр. абх. аханаЗара) не употреблялась; д) послелог *кп*, соответствующий совр. абх. (а)кны, употреблялся безразлично как для обозначения времени, так и места. Ныне для обозначения времени употребляется послелог (а)зы; е) в употреблении послелогов, вероятно, преобладала тенденция к слитному их написанию с именем, которым они управляют, поскольку не было формы общности имени с аффиксом а-; ж) современный аффикс места при обозначении стран -ны, вероятно, был самостоятельным полнозначным словом со значением «страна»; з) как показывает надпись, в абхазском языке того времени, кроме долгого и- (см. выше), были в ходу долгие гласные у, о, а, в дальнейшем либо потерявшие долготу как и-, -а, либо редуцировавшиеся как -у, -о (см. выше); и) наблюдается безынтенсивная архаичность в области синтаксиса. К. С. Шакрыл обратил наше внимание на то, что в современном абхазском языке синтаксический комплекс изтэу (эпиграф. *jzt = īzt*) во фразе первого сегмента ныне употребляется не в ее начале, а в конце.

Не исключена возможность, что лингвисты-абхазоведы обнаружат в надписи и некоторые другие особенности, нами не замеченные.

В целом язык Майкопской надписи колхидского письма, несмотря на значительную давность, не настолько отдален от современного, чтобы его при некотором усилии нельзя было понять. Эту исключительную сохранность форм языка мы относим за счет структуры абхазского языкового корня. В абхазском языке слово во многих случаях оказывается прозрачным по составу образующих его компонентов, а несколько тысячелетий тому назад это явление несомненно было более ощутимым. Слово- и формообразующие компоненты языка упорно отстаивали себя и туго шли на стирание. Это явление обеспечивало стабильность в структуре речи.

Таковы наши соображения в отношении грамматической интерпретации текста.

5. *Собственные имена надписи.* Значительная временная давность Майкопской надписи, при отсутствии каких-либо других данных, создает большие трудности в интерпретации ее собственных имен.

Абхазская изустная история не сохранила нам совершенно никаких сведений, даже в легендарной форме, о событиях и именах, которые засвидетельствованы надписью. Поэтому наши соображения будут весьма проблематичными.

Из трех собственных имен надписи только в отношении двух мы можем предложить наши соображения. Этими именами являются: имя царя Страны Гор — Мри и название города Ах (-А (и) ā). Оба имени в надписи, как мы помним, даны в лигатурах-монограммах.

Нам кажется, что надпись в части обоих имен как-то связана с той отдаленной эпохой из истории Колхиды, когда о ней сложилась занимательная греческая легенда, созданная посетившими Колхиду греческими мореходами, именуемыми аргонавтами.

Нам неизвестно реально то время, когда могло произойти это событие, ибо уже в гомеровской Одиссее, создание которой исследователи относят к VIII—VII вв. до н. э., рассказ о мореходах-аргонавтах существовал как легендарное событие прошлого.

Из Одиссеи впервые мы узнаем, что колхидский царь Ээт (Αἰήτης) имел своим отцом Солнце (ἥλιος), а матерью Персу (Πέρση), дочь Океана (SC, стр. 300).

Около 700 г. до н. э. этот миф о богосолнечном происхождении царя Колхиды повторил в своей Теогонии Гесиод (SC, стр. 318), а вслед за ним ряд других писателей классической древности.

Аполлоний Родосский (середина III в. до н. э.) со своей «Аргонавтикой» был пер-

вым автором, который воплотил легендарную историю похода мореходов-аргонавтов в цельное поэтическое произведение, используя все доступные ему источники и силу своего воображения и таланта (SC, стр. 412—424).

В многовековом, переходившем из уст в уста предании, миф о божественном происхождении колхидского царя нам представляется интересным с той стороны, которая дала право географу I в. н. э. Страбону в его критическом разборе мнения Дмритрия Скипсийского (II в. до н. э.) о походе аргонавтов заявить: «...клянусь Зевсом — отдаленное странствование (Ясона), подобно Одиссееву и Менелаеву, принадлежит к числу (фактов), засвидетельствованных еще ныне существующими (памятниками) и удостоверенных голосом Гомера. У Фасида показывается город Эя, царствование Ээта в Колхиде считается достоверным и это имя у туземцев является народным» (SC, стр. 94—95). Последняя фраза из только что приведенного утверждения Страбона нам представляется особенно интересной. Если царствование Ээта в Колхиде считалось в I в. н. э. достоверным, а его имя считалось у туземцев народным, то, вероятно, и имя отца Ээта, именуемого «Солнце», следует считать не менее достоверным и народным, чем имя сына. Имя отца Ээта, царя Колхиды, как мы знаем из греческой легенды, было обожествлено. Но кем?

У абхазов издавна существовал обычай наделять особо почитаемых людей в знак уважения к ним и за заслуги сверх существующего обычного имени, каким-либо вторым, имеющим значение эпитета. Имя «Солнце-бог», по-видимому, и было таким вторым именем царя — отца Ээта. Мореходы греки, посетившие Колхиду, т. е. древнейшую прибрежную Абхазию, восприняли это почетное имя в силу присущих им религиозных представлений как теофорное имя. Так родилась легенда о божественном происхождении царя из династии Фаспанидов¹⁵.

Не исключено, что данное, второе имя царя было его тронным именем и в этом смысле являлось *nomen sacrum*¹⁶.

Присматриваясь с позиций абхазской речи и этнографии к эпиграфическому имени царя Майкопской надписи — Мрн, мы должны констатировать, что оно целиком укладывается в значение «Солнце-бог», если представить его с огласовкой в такой форме как Мран. В дальнейшем, на более позднем этапе своего существования, это абхазское имя во вторичной форме Амран, гесп. Амбран, выявилось в фольклоре осетин и грузин.

Акад. Н. Я. Марр в 1916 г. писал: «Само имя Амбран, собственно А-мга или А-мэг, представляет абхазское название „солнца“ а-мга или а-мэг, как последнее появляется в сложных абхазских словах. Из абхазских языковых материалов наметилась возможность осветить ряд подробностей в мифе, впоследствии сказании о солнце-герое... „Это на самом деле, — говорил он далее, — есть одно из древнейших яфетических сказаний о божестве Солнце, превратившемся в героя“¹⁷.

Мы не намерены заниматься здесь анализом мифа об Амбране, требующем специальных разъяснений и разысканий, но не можем не отметить, что эпиграфическое имя Мрн или, как мы его интерпретировали Мран, является, по-видимому, тем же самым именем, что и Амран, но в более древней и тоже абхазской форме.

Однако акад. Н. Я. Марр, совершенно справедливо заметив, что имя Амран содержит в себе нарицательное абх. а-мра «солнце», не разъяснил конечного — и собственного имени. А между тем это конечное — и является непеременимым элементом как нашего эпиграфического имени Мрн (Мран), так и фольклорного эпонима Амбран.

Прежде всего следует заметить, что в абхазском слове а-мра «солнце» начальное а- является аффиксом неопределенной общности слова. В форме единичности — мрак — и в собственном имени этого а- не будет. Собственное имя само по себе определено и кон-

¹⁵ И. А. Джавахишвили, История Грузии, Тифлис, 1906 (на груз. яз.), стр. 13.

¹⁶ Проф. И. М. Тронский при ознакомлении с нашей работой, в связи с данным фактом, заметил, что традиция контрагирования священных собственных имен, как оказывается, имеет куда более древние корни, чем это было установлено Людвигом Траубе (L. Traube, Nomina sacra, Münch., 1907).

¹⁷ Н. Я. Марр, О языке и истории абхазов, М.—Л., 1938, стр. 144.

кретно. Отсюда первым компонентом эпиграфического имени Мри следует предположить Мра, а во втором видеть первичный корень-основу и-«бог» как она сохранилась в таком слове, как (а)-ныхэара «молитва», букв.: (к) ны — «богу» — хэара — «просьба» (при слове а-н-цэа — «бог», собств. «боги», ибо в нем-цэа является утратившим свою функцию показателем множественности)¹⁸. При таком положении эпиграфическое имя Мри с предполагаемыми огласовками в своей древнейшей форме, по-видимому, звучало как Мгап, может быть, Мугап «Солнце-бог».

Воспроизводя эпиграфическое имя Мри в форме Мран «Солнце-бог», мы отнюдь не намерены непременно отождествлять его с именем царя «Бога-Солнца», отца Ээта из греческой легенды об аргонавтах. Мы указываем только на вероятную возможность проникновения эпиграфического имени Мри «Солнце-бог» в греческую легенду, поскольку такая возможность возникает как по времени, так и по возможности знакомства мореходов-греков с Колхидой конца II тыс. до н. э., когда в ней царствовал абхазский, он же колхидский, царь Мри, засвидетельствованный нашей надписью.

При нашей интерпретации имени абхазского царя Страны Гор — Мри как Мран «Солнце-бог» и при вероятной связи этого имени с именем отца колхидского царя Ээта, называемого «Солнце» ('Ηλιος), закономерно хочется связать название города нашей надписи Ах (= А(и)ā) с именем царя Ээта, сына Солнца. Во всех существующих источниках имя царя Ээта в греческом письме представлено в форме ионийского диалекта как Αἰήτης, за исключением Пиндара, где мы имеем форму Αἰήτας. Писатели были связаны традицией с Гомером, где впервые нашла свое отражение легенда о плавании аргонавтов в Колхиду. Ээт, как известно по этой же легенде, основал в Колхиде город, носивший его имя. У авторов классической греческой древности этот город именуется Αἶα.

Никто из древних авторов, так или иначе интерпретировавших легенду о плавании аргонавтов в Колхиду, кроме Стефана Византийского (VII в. н.э.), не задавался вопросом, почему основанный Ээтом город называется Αἶα при имени его основателя Αἰήτης. В своем «Описании племен» Стефан Византийский, объясняя название этого города, пишет: «...кажется, наоборот от имени города образовано имя Ээта: как от Ἀσία—Ἀσιάντης, так от Αἶα—Αἰάντης и Αἰήτης» (SC, стр. 253). Это замечание Стефана Византийского нам представляется интересным в том отношении, что с позиций абхазской речи личное имя колхидского царя Αἰάντης или Αἰήτης предстает перед нами как сложное слово местного происхождения, лишь случайно совпавшее с греческим, образованным по нормам греческого словообразования. Исходя из абхазского языка в этом имени Αἰά- или Αἰή- является корнем, а -τ(ης) или -τ(ας) аффиксом.

Приведенные выше данные с учетом того, что резчик в надписи и здесь воспользовался в тексте приемом *matres lectionis* и через h передал а долгое, дали нам основание восстановить эпиграфическое название города 'Ah в форме 'A(i)ā, а собственное имя колхидского царя Αἰάντ-(||Αἰήτ-) понять как царь Эайский (или Ээйский), ибо эпиграфическое t, стоящее в нашей надписи после имени города, как мы уже выше указали, соответствует абхазскому слову тэы «собственность», используемому и в образовании имен прилагательных от существительных (ср. абх. аабитэы «отцовский», абнатэы «лесной» и т. п.¹⁹).

Трудно сейчас сказать, какое значение имел корень слова 'A(i)ā, судьба исконных долгих гласных в абхазском языке нам неизвестна. Не исключено, что это имя было заимствованным и по-абхазски не этимологизировалось. Отсюда в греческой легенде об аргонавтах эпигр. абх. Мран «Солнце-бог» было переведено как 'Ηλιος, а 'A(i)ā и 'A(i)āt остались без перевода. Восприятие имен из абхазского было не механическим, что в частности видно по перемещению долготы в эпигр. 'A(i)ā, в греч. эпич. Αἶα. Не исключено, что греки этимологизировали местное слово, поставив его в связь с др. греч. пон. αἶα «земля».

В этом факте, как и в факте объяснения имени царя Мри, мы не пытаемся непременно видеть в эпиграфическом названии города 'Ah (= 'A(i)ā) эпические Αἶα и Αἰάντης

¹⁸ Д. И. Гулия, История Абхазии, I, Тифлис, 1925, стр. 224—226.

¹⁹ П. К. Услар, Абхазский язык, Тифлис, 1887, стр. 82—83.

или Αἰήτης легенды об аргонавтах. Совпадение, как и в первом случае, могло быть случайным. Но не слишком ли много совпадений и случайностей в тексте такой небольшой надписи, как наша Майкопская? Не правомернее ли все-таки думать, что в именах Μρῖ и Αχ = (Α(η)ᾱ) нашли отражение реальные исторические лица и события абхазской истории, унесенные греческими мореходами конца II тыс. до н. э. из Колхиды в пределы эллинского мира? Лично мы склонны к этой мысли.

В этой мысли нас укрепляет еще один факт. Аполлоний Родосский в своей «Аргонавтике», сообщая, явно по Геродоту, о происхождении колхов от египтян, писал: «Эя (Αἶα) еще и ныне стоит твердо, и (в ней живут) потомки тех людей, которых он (египетский царь. — Г. Т.) посадил жить в Эе; они сохраняют сделанные в табличках (ῥαβ-βίς) записи своих отцов (γραπτός πατέρων), в которых изложены все пути и пределы воды и суши для путешественников» (SC, стр. 422; перевод уточнен нами). Поскольку во времена жизни Аполлония Родосского таблички с записью рассматривались как произведения отцов, т. е. предков, нет никаких сомнений, что речь идет о наличии у жителей Эи (Αἶα) старой письменности.

Находка плитки с письменами, посвящей в нашей интерпретации имя, аналогичное имени города греческой легенды, оказывается как нельзя к месту.

Локализация города Αἶα (Эи Колхидской) по греческим источникам неясна. Схолиаст Аполлония говорит, что «она лежит на краю населенной (земли)» (SC, стр. 427). Как бы ни понимать это утверждение, но оно совпадает с местонахождением города Αχ (= Α(η)ᾱ) нашего памятника, поскольку в тексте надписи сказано, что он был сооружен «на самой окраине Страны Гор». По-видимому, в нашей плитке с надписью следует признать одну из тех табличек (ῥαββίς) с записью предков (γραπτός πατέρων), о которых знал Аполлоний.

Грузинский востоковед акад. Г. А. Меликишвили, рассматривая это место из «Аргонавтики» Аполлония Родосского в плане событий соответственного времени, совершенно справедливо заметил, что «...эти записи (т. е. γραπτός πατέρων. — Г. Т.) скорее всего нужно рассматривать как принадлежащие к древнеколхидскому царству — современнику древневосточных государств»²⁰.

Раскрытие звучания третьего имени — имени правителя, скрытого за буквами Χз (или может быть Χ3) пока не реально. Даже для самых общих рассуждений у нас нет никакой опоры.

В заключение этого раздела хотелось бы сказать, что если говорить о хронологической связи двух истолкованных нами эпиграфических имен Μρῖ (Μραν) и Αχ (Α(η)ᾱ) с такими эпонимами и топонимом греческой легенды об аргонавтах, как царь «Солнце» (Ἥλιος), царь Ээт (Αἰήτης) и город Эя (Αἶα), то представленное в надписи событие придется признать во времени предшествующим плаванью легендарных греческих мореходов-аргонавтов.

Абхазский, он же колхидский царь Μρῖ (Μραν) «Солнце-бог», нашедший себя в имени царя «Солнце» (Ἥλιος) греческой легенды, по надписи оказывается еще здравствующим. На отдаленной окраине своего Колхидского царства, именуемого Страной Гор, он возводит на 21 году царствования город, одноименный имени его наследного сына Ээта (Αἰήτης).

Насколько верна, с учетом всех оговорок, изложенная нами интерпретация этих собственных имен надписи, покажет будущее. Новые археологические находки, на которые мы надеемся, и мнения ученых, которые возникнут в развитие или в противовес нашим взглядам, внесут свою лепту в этот вопрос.

6. *Датировка надписи.* Датировка сопряжена с большими трудностями. Надпись является пока что единственным памятником колхидского извода псевдопероглифического библского письма на территории Кавказа, притом памятником своеобразным. Сопоставлять его ближайшим образом не с чем. Однако, несмотря на единичность надписи, относительная датировка ее нам представляется возможной.

²⁰ Г. А. М е л и к и ш в и л и, К истории древней Грузии, Тбилиси, 1959, стр. 215.

Первым фактом, способствующим датировке, с нашей точки зрения, является, то, что надпись, кроме знаков собственно псевдопероглифического библского письма, содержит в себе несколько букв финикийского линейного письма. К числу псевдопероглифических буквенных и небуквенных знаков, включая сюда и особые колхидские нами отнесено 35—36 из 40, к финикийскому линейному письму 4 (может быть, 5) знаков. В отношении к наличным в надписи знакам псевдопероглифического письма последние составляют 11—14%.

Древнейшими известными нам памятниками финикийского линейного письма являются надписи Абдо, Шафатваала, Йехимилка и библского царя Ахирама. Они датируются в настоящее время XIII—XII веками до н. э.

Поскольку в нашей надписи преобладают знаки псевдопероглифического письма, а линейное представлено лишь четырьмя, может быть, пятью знаками, мы должны нашу надпись, даже с учетом ее периферийности, отнести к ранним.

Следует обратить внимание на то, что в дважды засвидетельствованной в Майкопской надписи зеркальной букве h линейного письма, в одной из них верхняя и нижняя горизонтальные черточки соединены с верхним и нижним концами вертикальной черточки, а в другой выходят за нее незначительно, как то оказывается в обоих случаях и в h надписи библского царя Ахирама, и что зеркальная с (s) нашей надписи, даже если эта буква псевдопероглифическая, почти целиком фиксирует с (s) надписи Йехимилка. Палеографическую особенность этих букв Майкопской надписи мы считаем важной для ее датировки.

Если сюда добавить t из первого сегмента надписи и b из шестого сегмента, также близкие к надписи Ахирама, то количество данных к датировке нашей надписи привлечением букв финикийского линейного письма увеличится.

По-видимому, надпись следует датировать по палеографическим данным примерно XIII—XII веками до н. э.

Вторым фактом, способствующим примерной датировке надписи, является наличие в ней хеттского пероглифического типа детерминативов. Древнейшие хеттские пероглифические памятники, относимые исследователями к XIV—XIII вв. до н. э.²¹, были обнаружены в восточных провинциях Хеттского царства, а эти восточные провинции ближе всего соприкасались с Кавказом. Как мы пытаемся показать ниже, именно с этими восточными провинциями Хеттского царства были знакомы абхазы-мореходы и отсюда могли вынести хеттскую пероглифическую детерминацию. Поскольку хеттские пероглифические памятники X и более поздних веков до н. э. обнаружены уже на территории Северной Сирии, можно думать, что наш памятник, исходя из общих данных и применительно к хеттским пероглифическим памятникам восточной части Хеттского царства XIV—XIII вв., правильно датировать, с учетом периферийности и самостоятельности колхидского письма, XIII—XII веками до н. э.

И, наконец, третьим фактом, несколько помогающим датировке Майкопской надписи, является, с нашей точки зрения, наличие в ней абхазских собственных имен Мри и А(и)а, удивительно совпадающих с именами бога «Солнце» (‘Нλιος), города Эя (Aia) и царя Ээта (Aia’ттс) в мифе о походе греческих мореходов-аргонавтов в Колхиду.

Этот миф, как известно, впервые нашел свое отражение в гомеровской Одиссее, относимой исследователями к VIII—VII вв. до н. э. Следовательно, наша надпись, с точки зрения наличных в ней интерпретированных нами собственных имен, не может быть моложе этой даты, а старше ее, ибо в ней царь Мри «Солнце-бог», ‘Нλιος греческой легенды, оказывается живым лицом, царствующим 21-й год.

Античная традиция связывала поход аргонавтов с Микенской эпохой. В «Хронике» Евсевия Кесарийского (264—340) посещение аргонавтами Колхиды отнесено к последней четверти XIII в. до н. э. Если даже в синхронистической схеме Евсевия эта дата несколько архаизирована, все же при самых скромных расчетах мы должны датировать греческую легенду с ее царем Ээтом никак не позже, чем XII веком до н. э. Только

²¹ И. Ф р и д р и х, Дешифровка забытых письменностей и языков, М., 1961, стр. 98.

при таком положении можно как-то согласовать данные палеографического и графического порядка нашей надписи с данными фольклористическими и историческими, пусть в последнем случае даже легендарными.

7. *Заключение.* Сказать что-либо большее относительно Майкопской надписи колхидского письма, чем сделали это мы в нашей статье, до производства основательных и систематических археологических раскопок на месте находки не представляется возможным.

Непреложным и исключительным по важности оказывается сам факт обнаружения надписи псевдопероглифического библского письма местного извода на Северо-Западном Кавказе независимо от того, будет или не будет признана наша языковая интерпретация надписи.

Исходная принадлежность письма надписи к псевдопероглифическому библскому письму и абхазский язык надписи нам представляется совершенно безусловным.

Кавказ, точнее Северо-Западный Кавказ, автохтонность древнейшего населения которого в свете новых археологических данных является несомненной, оказывается вовлеченным в круговорот древнейшего периода истории Ближнего древнего Востока.

Если найдена надпись, значит письмо надписи было известно каким-то кругам колхов-абхазов. Если письмо было известно, то на нем должны были не только писать, но и читать его. Сколь широко был распространен этот факт, мы не знаем.

Текст Майкопской надписи в нашем, абхазском его толковании говорит о том, что надпись была памятно-строительная. Указание в надписи названия страны и имени царя, наличие имени правителя царя, построившего город, и, наконец, относительная дата сооружения самого объекта — все это говорит за то, что у абхазов того времени существовала определенная письменная традиция в обозначении документов, пусть даже эта традиция была занесена в Колхиду вместе с финикийским письмом. Для финикийского письма она типична. Отклонения от типического следует отнести за местный счет.

Претерпело изменение и само письмо Библа. Мы уже указывали на то, что оригинальная кодификация букв, лигатура, использование хеттского типа детерминативов и другие черты колхидского письма представляются нам местными чертами. Писец был вполне грамотен. За это говорит, кроме всего прочего, и использование им приема *mater lectionis* для обозначения первичных долгих гласных абхазского языка, существовавших в то время.

Вне сомнения, что для того, чтобы псевдопероглифическое библское письмо приняло местную оригинальную и своеобразную форму, превратилось в колхидское письмо, — потребовалось некоторое время. Майкопская надпись производит впечатление именно такого хорошо утвердившегося письма и наличия длительной письменной традиции.

Поддерживает нашу надпись и Аполлоний Родосский с его сообщением о табличках (*χρρῖες*) с записью отцов, которое мы приводили выше.

Какими путями могло попасть в пределы Северо-Западной Колхиды псевдопероглифическое библское финикийское письмо, положившее начало письму колхидскому и что мог представлять собой колхидский город на самой окраине Страны Гор, т. е. на севере Колхидского царства, вот еще те вопросы, которые неизбежно встают перед исследователем Майкопской надписи.

Основным путем, которым могла проникнуть финикийская письменная культура в пределы Северо-Западной Колхиды, был морской путь. У нас нет достаточных исторических данных, чтобы говорить о весьма древних и постоянных морских связях финикийских мореходов с колхидянами и особенно, когда это касается мореходов конца II тыс. до н. э., но спорадические связи в этом направлении, как полагал акад. В. В. Струве, между Финикией и Колхидой в то время существовать могли.

Даже при всей предубежденности в отношении к Лукриану Самосатскому (II в. н. э.), как автору малонадежному, едва ли можно отнести только за счет голы фантазии его утверждение, что «(финикийцы) ездят не только в Понт или до Меотиды и Боспора (разумеется Боспор Киммерийский. — Г. Т.), но плавают по всем местам Эллинского и варварского моря (имеется в виду Понт. — Г. Т.); они ежегодно поздней осенью воз-

вращаются домой, обрыскавши все берега и все побережья» (SC, стр. 549). В каботажном плавании финикийцы были знакомы не только с малоазийским побережьем Понта, но несомненно и с крымско-кавказским. Иначе трудно представить себе, как могла очутиться псевдопероглифическая библская финикийская письменность на северной окраине Колхиды. Едва ли финикийцы не были знакомы с гаванями и приморскими городами восточного побережья Понта. От Меотиды и Боспора Киммерийского до северных пределов Колхиды того времени, о которых упоминается в Майкопской надписи, оказывалось не так уж далеко. Не могли препятствовать этому знакомству и морские разбои, прославленных в этом деле генихов. Финикийцы обладали кораблями более мощными, чем древние абхазы, а финикийские кушцы были к тому же не менее опытными пиратами, чем гениохи. Однако далее этих весьма общих предположений о связи Финикии с Понтом наши познания не идут. Может быть, наша Майкопская надпись, возбуждая интерес к кавказско-финикийским культурно-историческим связям, будет способствовать интенсификации научных разысканий в этом направлении. Абхазы были в древности также неплохими мореходами. Акад. Н. Я. Марр, указывая на то, что абхазское слово *афра* «парус» заимствовано без каких-либо изменений грузинским, совершенно справедливо замечал: «...это уже имеет не только словарное, но реальное культурно-историческое значение: выходит, что абхазы, как мореходы, передавали соседям свои морские термины... Абхазская речь и абхазские предания, — продолжает он далее, — полны воспоминаний интимного общения абхазов с морем» (ук. соч., стр. 143). Исследовавшие эту интимную сторону общения абхазов с морем с исторической и этнографической точек зрения Ш. Д. Инал-Ипа и Г. А. Дзидзария убедительно показали, насколько абхазский быт и абхазский язык связаны с мореходством. Обилие специальных морских терминов, рожденные мореходством поговорки и топонимика, следы культа морского божества в образе быка уходят корнями в глубины абхазской истории²².

Не имея возможности излагать здесь эту интересную страницу из жизни абхазского народа, мы отсылаем читателя к исследованиям Ш. Д. Инал-Ипа и Г. А. Дзидзария. В них он найдет ответ на вопрос, как развивалось мореплавание в Абхазии в античный период и феодальную эпоху.

Что касается того времени, к которому относится наша надпись, то о мореплавании абхазов в этот период их истории мы не имеем никаких данных. Только косвенным путем мы можем заключать, что в каботажном плавании абхазы могли достигать малоазийского побережья Понта, по крайней мере в северо-восточной его части. Наличие в Майкопской надписи нескольких детерминативов, по форме и значению совпадающих с детерминативами хеттского пероглифического письма, говорит за то, что знакомство это произошло, как мы старались показать выше, не позже XIV—XIII вв. до н. э. Кроме основного морского пути, связывавшего Финикию с Колхидой, был и другой, сухопутный путь. Он шел из Малой Азии на Северный Кавказ через Закавказье. Однако этот путь, как указывают археологи²³, был преимущественно путем межплеменного обмена, действующего от племени к племени, от народа к народу. Письменная культура может, конечно, передаваться и таким путем, но тогда она должна оставлять какие-то следы на пути своего шествия. Следов этих пока что не обнаружено и поэтому кажется более вероятным признать путь непосредственного морского общения финикийцев с колхами-абхазами и колхов-абхазов с малоазийцами — хеттами²⁴.

²² Ш. Д. Инал-Ипа, О мореплавании в Абхазии в античный период и феодальную эпоху, «Труды Абх. ин-та языка, лит-ры и истории», XXX, Сухуми, 1960, стр. 73—90; Г. А. Дзидзария, Из истории мореходства в Абхазии, «Труды Сухумского гос. пед. ин-та», XII, 1959, стр. 85—104.

²³ А. А. Иессен, Греческая колонизация Северного Причерноморья, Л., 1947, стр. 16—17.

²⁴ В последнем случае имеются в виду носители хеттской пероглифической письменной культуры, этническая принадлежность которых еще недостаточно ясна.

Работажный путь финикийи в водах Понта в направлении к Меотиде, по нашему убеждению, пролегал вдоль западного и северного побережья. Поэтому представляется абсолютно не неожиданным тот факт, что первый и, может быть, самый старый памятник колхидского письма оказался найденным в пределах той территории Колхидского царства, которая составляла его северную границу. Этим самым мы отнюдь не хотим утверждать, что финикийяне не плавали вдоль юго-восточного побережья Понта и что южнее памятников типа майкопского быть не может.

Город Ах (= А(и)ā), о сооружении которого говорит Майкопская надпись, лежал в долине р. Белой, значительного притока р. Кубани. Этой долиной через Белореченское ущелье и Белореченский перевал проходил один из древних путей, соединяющих предгорные кубанские равнины с Понтийским побережьем. По этому пути, как отмечено археологией²⁵, в VIII в. до н. э. прошла с равнин Северного Кавказа на юг, в Закавказье и Малую Азию часть полчищ скифов. Другая часть шла прибрежной меото-колхидской дорогой²⁶. Этим же белореченским путем, кроме меото-колхидской дороги, просачивались и прорывались на побережье Понта, по крайней мере с середины I тыс. до н. э., и зихские (адыгские) племена.

Как долго и точно где существовал город у северных «горных ворот» Колхидского царства, мы пока не знаем. Выяснить это удастся только путем систематических археологических раскопок. Несомненно одно — расположенный на пути из кубанских равнин в Причерноморье, он имел важное торговое и стратегическое значение. Реконструкция, произведенная здесь осенью 1964 г. абхазо-адыгейской археологической группой в составе Ш. Инал-Ипа, М. Трапша, П. Аутлева и П. Дитлера, обнаружено древнее поселение, обещающее дать значительный исторический материал.

Непосредственных этнографических следов, относящихся ко времени пребывания здесь абхазов, уже не сохранилось, однако кое-какие следы языкового, топо- и гидронимического порядка, показывающие, как далеко на северо-запад проникал колхидский элемент, после соответственной работы над топо- и гидронимикой обнаружить здесь удастся. Река Белая, на которой находился город Ах (= А(и)ā) интерпретируемой нами надписи, называется по-адыгейски (и черкесски) Шъхъэгущэ. Это название, как любезно нам сообщил весьма обязательный У. С. Зекох (Майкоп), в адыговедении представляет собой, как и многие другие, «уравнение со многими неизвестными». Оказавшись в весьма отдаленное время на берегах реки, именуемой ныне русскими «Белой», адыги (черкесы) восприняли и вместили в норму своей речи еще до них существовавшее здесь иноязычное туземное название этой реки, забыв со временем его значение и источник. В топо- и гидронимике такие явления довольно обычны и хорошо известны²⁷.

Путем кропотливых и длительных разысканий нам удалось установить, что адыгейское название р. Белой — Шъхъэгущэ восходит к абх. шъхагуашэ «горные ворота». Так, в далекой древности называлось то ущелье, а по нему и река, которое ныне именуется Белореченским, и которое, как мы уже говорили выше, было естественными воротами для проникновения с кубанских равнин в направлении к Закавказью.

Связано с абхазским и одно из старых названий р. Кубани, являвшейся в глубо-

²⁵ Н. В. А н ф и м о в, Древние поселения Прикубанья, Краснодар, 1953, стр. 9.

²⁶ Е. И. К р у п н о в, Древняя история Северного Кавказа, М., 1960, стр. 63—64.

²⁷ Так, например, едва ли кто из русских жителей поселка и станции Парголово под Ленинградом связывает ныне это название с финск. perkele — «черт, дьявол». Слишком далеко отошло русское «Парголово» в звуковом отношении от своего финского источника, чтобы это название можно было бы переводить «Чертово». Также едва ли кто-либо из жителей Таманского полуострова связывает ныне название Ахтанизовского лимана и одноименной станции на нем, со старым, уже забытым тюркским названием Азовского моря — Акътейиз «светлое, белое море», хотя в звуковом отношении название лимана и станции стоит к тюркскому его источнику значительно ближе, чем название поселка и станции Парголово к финск. perkele.

кой древности водным рубежом между землями предков адыгов-меотов и предков абхазов-колхов. Этим названием по Страбону и Птолемею было 'Αυτιχίτος, 'Αττιχίτος.

Нам удалось доискаться, что гидроним 'Αυτιχίτος, 'Αττιχίτος был образован, как местное название, по тому же типу что и абхазские бзыбские названия рек Мзым-та, Хэа-та, Мацес-та и др., в которых компонент -та является широко известным абхазским аффиксом со значением «место».

Как оказалось далее, в гидрониме 'Αυτιχίτος, 'Αττιχίτος, являвшемся композитой, компоненты 'Αυτιχί-, 'Αττιχί- в свою очередь представляли собой варианты к местному самоназванию черкесов — «адыгэ» в грекоизированной передаче. След черкесского языка оставлен здесь гемминатой -ττ-²⁸ и звуковым комплексом -υτ-. Вероятно, в отдаленные времена самоназвание адыгов звучало близко к «антыге», «аттыге». Если же это было так, то у нас есть все основания предполагать, что во времена Страбона и Птолемея (I—II вв. н. э.) Кубань в ее названии 'Αυτιχίτος, 'Αττιχίτος воспринималась как «река адыгов». Историческая обстановка не противоречила этому. Адыги уже в обилии занимали берега Кубани.

Однако поскольку гидроним 'Αυτιχίτος, 'Αττιχίτος был построен по абхазскому типу, мы вправе искать за этим эллинизированным и адыгизированным названием какое-то более древнее абхазское именование р. Кубани, снятое адыгской (черкесской) речью. Адыги и в данном случае приспособили к своему языку старое, до них существовавшее здесь абхазское название р. Кубани.

Каким оно могло быть? При решении этого вопроса следует учитывать, что, во-первых, между абхазами и адыгами в отдаленном историческом прошлом существовала некая языковая общность, в результате которой сложилась система звуковых междужычных корреспонденций, могущая помочь решению вопроса²⁹, во-вторых, что самоназвания народов (в данном случае разумеется термин «адыгэ», скрытый в гидрониме 'Αττιχί-τ-ος 'Αυτιχί-τ-ος) образуются, как правило, от наименования тех или иных мест: рек, ущелий, гор, равнин.

Опираясь на эти два положения, мы можем с достаточной вероятностью восстановить уже забытое абхазское название р. Кубани. Оно представляло собой производное от абх. а-з'ы'фы (<а-з'ы'фа) «быстрая, стремительная река» и в полной гидронимической форме звучало как *Азыф'та (<*Азыф'ата)³⁰.

Осевшие еще до н. э. на берегах р. Кубани черкесы (адыги) переделали и это название, как название р. Белой, применительно к своему языку, этимологизировав его по самоназванию (ныне звучащему как «адыгэ»)³¹, которое было в свою очередь эллинизировано греками.

Продвигаясь к западу от р. Белой, в бассейне Кубани мы вскоре встречаемся с реками Марта и Абин, названия которых хорошо интерпретируются по-абхазски. Гидроним Марта интересен тем, что он содержит уже известный нам абхазский аффикс -та, и достаточно к оставшейся части названия мар- присоединить абхазский формант а-, чтобы в имени а-мар узнать вариант к бзыбскому амыр «солнце». Гидроним Марта, звучавший бы применительно к современному этапу в развитии языка *Амырта, так же стар, как и абх. гидроним Шьхагуашэ, скрытый за адыгейским названием Шьхьгуацэ — р. Белая.

²⁸ Г. Ф. Турчанинов, Древнейшая III в. н. э. адыгская (= меото-синдская) надпись на гемме из Краснодарского историко-краеведческого музея, «Уч. зап. Каб.-Балк. НИИ», XIX, сер. экон. и ист., Нальчик, 1963, стр. 213 сл.

²⁹ В данном случае имеется в виду соответствие адыг. д (т), абх. з (дз) типа: адыг. дыд «шило», абх. -з'а-з'||-з'ы-з'; адыг. ды-г'уу|| ты-г'уу «вор»; абх. -з'а-ы; адыг. ды-г'уэ «шитье», абх. -з'а-х-ра и др.

³⁰ Не отсюда ли ведет свое начало этноним «джигет»-садз, одно из абхазских племенных названий?

³¹ При этом едва ли можно пройти мимо того факта, что убыхи и адыги называют абхазцев а-зыфа. Х. С. Бгажба видит в этом этнониме след бывшего абхазо-адыгского единства (Х. С. Бгажба, Бзыбский диалект абхазского языка, «Труды Абх. ин-та языка, лит-ры и истории», XXVIII, 1957, стр. 374).

Название р. Абин (Абын), на которой, по Птолемее, находился город 'Αβυν-ίς, по-абхазски представляет собой производное от абх. абна «лес» (ср. абыххэа «вебрь», букв. «лесная свинья»).

По очевидным мотивам мы не можем в данном исследовании развернуть широкий показ топо- и гидронимов абхазского происхождения в левобережье р. Кубани. В действительности их здесь куда больше.

Для данной части нашего исследования нам важно остановиться еще на некоторых топонимах восточного побережья Понта, чтобы показать, насколько далеко заходила на северо-запад абхазская речь в этих местах задолго до н. э. Из трудов античных писателей начиная с VI в. до н. э. мы знаем, что в низовьях р. Кубани, на Тамани и на части территории восточного побережья Понта, включая современную Анапу и Новороссийск, помещалось Синдское царство, так называемое Σινδική.

Географ Птолемей сохранил нам интересное название одного населенного пункта на восточном побережье Понта, в непосредственной близости от Синдской гавани — это χωμὴ Σινδα «деревня Синда».

Этот топоним интересен тем, что в нем после сонорного, в озвонченной форме дан тот же аффикс локального значения, что и -та, известный нам уже из названий рек³². Остаточный компонент слова син- представляет собой в греческой передаче, как это можно установить из сопоставления абхазского слова с адыгским, закономерное абхазское старое *шын в м-шын «море». В русской передаче топоним «Синда» означает собственно «морское место» или, иначе говоря, «селение Морское». Следовательно, сами синды это были «морские (приморские) жители», по этнической принадлежности — абхазы. Этот простой и весьма прозрачный факт важен нам потому, что по периплу Скилака Кариандского (IV в. до н. э.) «За меотами (живет) народ синды (Σινδοί); их область простирается и за пределы озера и города в ней эллинические следующие: город Фаногора, Кипы, Синдская гавань, Патус» (SC, стр. 85).

Мы обращаем внимание читателя на это место из перипла потому, что синды-абхазы, заселяя Тамань, где рядом с ними жили меоты-адыги, имели свои поселения и на противоположном Тамани крымском берегу. Мы имеем в виду деревню Акру ('Ακρά) и город Китей (Κίται)³³.

Деревня Акра помещалась на Такильском мысу против Коракондамы. Напомним, что по-абхазски а-кра обозначает «маяк, мыс»³⁴, а Страбон причисляет акрпев (называя их агриями), как и синдов к меотам, т. е. к народам адыго-абхазского языкового корня (SC, стр. 133).

Город Китей помещался в нескольких км от Такильского мыса (т. е. от Акры). И опять напомним, что по-абхазски кыта обозначает «селение» и что город с названием, аналогичным боспорскому Китею, имелся в Колхиде. Из него, по преданию, происходила Медея, дочь царя Ээта. От абхазского кыта произошло и название города Кутап-си³⁵, средневековой резиденции абхазских царей. Это утверждает нас в мысли, что абх. кыта могло служить названием города и в более отдаленную эпоху.

Древние абхазы были мореходами, и наличие их поселений и стоянок в северо-западном направлении, на подступах к Боспору Киммерийскому (Керченскому проливу), не кажется нам удивительным. У античных авторов бытовала даже версия об основании города Пантикапеи (Керчи) сыном колхидского царя Ээта (SC, стр. 264 и 197).

Мы сделали этот пространственный экскурс в гидро- и топонимику левобережья Кубани и восточного побережья Понта лишь потому, что некоторые исследователи истории Северного Кавказа не считают необходимым знать местные кавказские языки, не понимают того, что гидро- и топонимика является древнейшей летописью народов, но не

³² Этот локальный аффикс употребляется и при образовании топонимов.

³³ В. Ф. Г а й д у к е в и ч, Боспорское царство, М.—Л., 1949, стр. 179—183.

³⁴ Последнее значение совпадает с древнегреческим. Однако было бы весьма поспешным делать заключение, что это слово заимствовано абхазами у греков.

³⁵ Н. Я. М а р р, Из лингвистической поездки в Абхазию (к этнолингвистическим вопросам), ИАН, 1913.

прочь выступать с широковысказательными и голословными утверждениями о том, что абхазов на этой территории не было.

Для нас лично находка в урочище р. Белой, около Майкопа, надписи древнеабхазской речи не представляется исторической неожиданностью.

Именно эту топо- и гидронимическую летопись имел в виду акад. И. И. Мещанинов, когда в своем высказывании о Майкопской находке ³⁶ писал, что «памятник найден на исторической территории Абхазии».

Какой была конкретно культура создателей Майкопской надписи в конце II тыс. до н. э. и была ли связана она с майкопской и новосвободненской культурами рубежа III—II тыс. до н. э. на этой же территории ³⁷, покажет будущее. Ясно только одно, что если майкопская и новосвободненская культуры с полной очевидностью свидетельствуют о глубококом социальном расслоении в обществе местных горцев, повлекшем за собой сосредоточение в одних руках колоссальных богатств, то не будет удивительным, когда тысячелетием позже классовая дифференциация в обществе окажется здесь четко выраженной, о чем говорит текст Майкопской надписи в нашем ее толковании.

На этом мы позволим себе закончить наше исследование майкопской эпиграфической находки.

Мы далеки от мысли, что нам удалось разрешить все вопросы, связанные с данной находкой. В истории науки не было еще случая, когда памятник нового, доселе неизвестного письма, был прочтен с исчерпывающей, не оставляющей никаких сомнений, полнотой, первым ее интерпретатором.

Мы вступили на путь совершенно новых, до сих пор никем еще не исследованных фактов. Они приоткрыли нам новую, неизвестную страницу древнейшего периода истории Колхиды и Северо-Западного Кавказа и новую страницу в истории Ближнего древнего Востока. Многие еще не ясно, но на оказавшуюся в наших руках нить нужно напирать не сомнения, а усилия по разысканию все новых и новых материалов и фактов ³⁸.

Только благородным рвением многих ученых — археологов, историков, эпиграфистов, филологов и этнографов — можно будет успешно решить проблему, поставленную перед нами Майкопской надписью.

Г. Ф. Турчанинов

³⁶ «Литературная газета» от 21 декабря 1963 г.

³⁷ А. А. И е с с е н, К хронологии «Больших Кубанских курганов», СА, XII, 1950, стр. 157—200 (там же литература вопроса); ОАК за 1897 г., СПб, 1900; ОАК за 1898 г., СПб, 1901; А. А. Ф о р м о з о в, Археологические исследования пещер в верховьях р. Белой в Краснодарском крае, «Сборник материалов по археологии Адыгеи», II, Майкоп, 1961, стр. 39—72; А. Д. С т о л я р, Мешоко — поселение Майкопской культуры, там же, стр. 73—98.; А. А. Ф о р м о з о в, Каменный век и энеолит Прикубанья, М. 1965, стр. 64—158.

³⁸ Работая над Майкопской надписью, мы вспомнили, что четыре года назад в газете «Кабардино-Балкарская Правда» в № 244(9985) от 10 декабря 1960 г., в статье археологов П. Акритаса и Г. Ионе была дана прорись с надписи на обломке горшка из разграбленного кургана в с. Карасу на р. Черек-Безенгийский. Надпись по прориси, если она верна и если устранить из нее намеренно поставленные издателями между буквами запятыя, следует отнести к тому же письму, что и Майкопская. Во всяком случае мы легко нашли в ней личное имя, то ли владельца сосуда, то ли мастера. К сожалению, приступить к исследованию этой надписи нам не пришлось. Несмотря на трехкратные письменные просьбы в адрес археолога Г. И. Ионе (Кабардино-Балкарский НИИ), в распоряжении которого находится карасуйская находка, мы не только не получили от него фотографии с надписи, но даже никакого ответа.

«МАЙКОПСКИЕ ПИСЬМЕНА»

(К методике работы дешифровщика)

В «Вестнике древней истории» опубликована попытка дешифровки загадочной надписи на небольшом камне, найденном недавно около Майкопа¹.

Надпись состоит из трех столбцов, разделенных на «графы», или «коробочки» (по терминологии шумерологов), или «сегменты» (по терминологии Г. Ф. Турчанинова). Знаки имеют линейно-пиктографический облик (пиктографический — по сложности рисунка каждого отдельного знака, линейный — по характеру очертаний, уже не позволяющему узнать изображаемый предмет). По общему типу надпись внешне сходна с ранней шумерской или эламской пероглификой рубежа IV—III тыс. до н. э.; помимо пиктографически-линейного характера знаков, Майкопская надпись типологически (вряд ли генетически)² объединяется с этими видами пероглифики сов-

падением форм отдельных знаков (например , , , , и др.) и принципом расположения текста в столбцах, разделенных на графы («сегменты»), а также разбросом знаков в пределах графы.

С точки зрения теории дешифровки, объем текста и количество знаков принципиально недостаточны для раскрытия письма и прочтения текста Майкопской надписи. Единственным обстоятельством, которое позволило бы прочесть ее, была бы находка еще и других текстов, писанных тем же письмом.

Именно такое обстоятельство предполагает Г. Ф. Турчанинов, считая, что надпись сделана (с известными палеографическими вариациями) протобиблским силлабическим (или, как он его понимает, алфавитно-консонантным) письмом.

Это предположение мне не представляется вероятным уже потому, что Майкопская надпись, с моей точки зрения, не являет почти никакого сходства с протобиблским письмом, которое к тому же не имело, насколько нам известно, широкого распространения даже в самой Финикии. Отдельные линейно-геометрические комбинации черт, образующих те или иные знаки, конечно, могут быть сопоставлены и с протобиблским письмом, тем более, что количество возможных четко различимых и запоминающихся линейно-геометрических форм ограничено; они неизбежно повторяются в разных системах линейного письма, и многие из них даже а priori должны встретиться в любой системе письма, которое содержит сотню линейно-геометрических знаков; такой именно системой является протобибльская письменность. Однако опыт Хевеш, который показал сопоставимость линейно-пероглифических писем Мохенджо-даро (Пакистан, III тыс. до н. э.) по их внешним формам со знаками письма острова Пасхи (восточная часть Тихого океана, II тыс. н. э.!) доказывает, как считают все грамматологи, вопреки мнению самого Хевеш, что сходство форм линейно-геометрических графем разных систем письма не может еще само по себе свидетельствовать об их генетической связи. Действительно, целый ряд знаков Майкопской надписи линейно-геометрического характера сопоставим и с другими письменностями ничуть не в меньшей степени, чем с протобиблской, например, с протошумерской, критской и т. п.

¹ Г. Ф. Турчанинов, Древнейший письменный памятник Кавказа, ВДИ, 1965, № 3.

² Допустимо предположить, что создатели майкопского письма были знакомы с фактом существования и с внешним обликом шумерской пероглифики. В то же время нельзя совершенно исключить возможность того, что Майкопская «надпись» — вообще не надпись, а только имитация надписи или же чертеж, сделанный в магических или гадательных целях, или что-либо подобное.